

Светлов П. Я., прот. Идея Царства Божия в ее значении для христианского мирозерцания: (Богословско-апологетическое исследование): [Понятие о Царстве Божиим] // Богословский вестник 1902. Т. 3. № 10. С. 117–148 (2-я пагин.).
(Продолжение.)

ИДЕЯ ЦАРСТВА БОЖІЯ

въ ея значеніи для христіанскаго міросозерцанія.

(Богословско-апологетическое изслѣдованіе).

*Остави мертвыя погребсти своя
мертвецы, ты же шедь возвѣщай
царствіе Божіе.*

Ев. Лук. гл. IX, ст. 60.

II.

Понятіе о царствѣ Божіемъ.

(Окончаніе) ¹⁾.

Свойства царства Божія, вытекающія изъ понятія о сущности его. Трансцендентальность и имманентность царства Божія.—Царство Божіе, какъ вѣчто уже осуществляемое и явившееся, и царство Божіе, какъ вѣчто будущее, задача и идеаль.—Всеобъемлемость царства Божія или необходимость *космическаго исполненія царства Божія*, откровенія во всей твари,—не только ввнутри челоуѣка, въ духѣ его, но и ввѣ послѣдняго въ природѣ и исторіи.—Осуществленіе царства Божія на землѣ и разборъ возраженій, отрицающихъ существованіе и развитіе царства Божія на землѣ.—Полное опредѣленіе царства Божія.—Формы царства Божія или исторія царства Божія на землѣ въ его главныхъ моментахъ: царство Божіе *этическое*; царство Божіе *космическое*, царство Божіе, осуществляемое въ будущемъ вѣкѣ, въ полнотѣ времени,—*эсхатологическое*, или—царство *благодати*, царство *силы* и царство *славы*.—Эсхатологическая сторона въ евангельскомъ ученіи о царствѣ Божіемъ.—Совмѣстимость эсхатологической стороны царства Божія съ его духовною или этическою стороною вопреки рационализму.—*Царство Божіе и Церковь*. Рѣшеніе вопроса объ отличіи и взаимныхъ отношеніяхъ царства Божія

¹⁾ См. *Богословск. Вѣстника* іюнь.

и Церкви по а) даннымъ Евангелія; б) исторіи христіанской литературы и в) богословской науки. Состояніе вопроса въ современной богословской наукѣ: мнѣнія по вопросу Краусса, Швейцера, Ричля, Иммера, Эбрарда, Ротэ и др.—Разборъ этихъ мнѣній и его результаты.—Положительное выясненіе вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ царства Божія и церкви или существующихъ между ними отличіяхъ.

Всякій предметъ можно разсматривать съ двухъ сторонъ: со стороны его существа и въ его проявленіи; поэтому въ интересахъ полнаго представленія о царствѣ Божіемъ необходимо разсмотрѣть его и съ послѣдней стороны. Сдѣлать это—значитъ сказать о тѣхъ свойствахъ царства Божія, которыя вытекаютъ изъ существа его.

Изъ понятія о царствѣ Божіемъ, какъ жизни людей въ Богѣ, дарованной намъ во Христѣ, прежде всего вытекаетъ та черта царства Божія, которая можетъ быть названа трансцендентностью его. Царство Божіе *трансцендентно*: оно не есть произведеніе естественныхъ силъ или началъ, а есть дѣло Божіе, чудо всемогущей любви и милости Божіей, даръ Божій, принесенный на землю съ неба Сыномъ Божіимъ Исусомъ Христомъ. Съ другой стороны изъ того же понятія о царствѣ Божіемъ слѣдуетъ и тотъ выводъ, что оно есть дѣло человѣческое, естественное, поскольку единеніе человѣка съ Богомъ есть дѣло его внутренней нравственной жизни и свободы. Другими словами, царство Божіе *имманентно*, ибо оно внутри насъ и подлежитъ закону внутренняго роста и развитія. Въ концѣ концовъ царство Божіе есть дѣло *Богочеловѣческое*, устрояемое на землѣ Богомъ при свободномъ человѣческомъ содѣйствіи. Между Божественною стороною и стороною человѣческою въ царствѣ Божіемъ существуетъ такое же отношеніе, какъ между сѣменемъ и изъ него возникающимъ растеніемъ, по евангельской притчѣ о сѣятелѣ: Богъ—Сѣятель, евангеліе—сѣмя, человѣчество—почва, нива Божія, царство Божіе—растеніе, въ концѣ концовъ возвращаемое Богомъ. *Богъ есть дѣйствующій вся во всемъ*, мы же „соработники у Бога“ (Мѣ. XIII, 1 и дал.; Лк. VIII, 5 и дал.; 1 Кор. III, 6—9). Такимъ образомъ царство Божіе въ силу самаго богочеловѣческаго характера своего, опредѣляемаго его существомъ, создается и сверхъестественною Божественною силою, и естественною человѣческою свободою отъ начала до конца. На этомъ мы долж-

ны остановить вниманіе читателей особенно въ виду господствующихъ вульгарныхъ воззрѣній на царство Божіе. Въ односторонне-этическомъ воззрѣніи, принадлежащемъ рационализму, царство Божіе устроится исключительно естественными силами человѣческими и является плодомъ естественной эволюціи исторіи человѣчества; въ супранатуралистическомъ воззрѣніи, принадлежащемъ школьному богословію, дѣло представляется нисколько не лучше. По обычнымъ эсхатологическимъ понятіямъ традиціоннаго богословія, за рѣдкими исключеніями, царство Божіе представляется исключительно дѣломъ внѣшняго Божественнаго могущества и человѣкъ здѣсь приглашается только къ праздному и бесплодному ожиданію царства Божія съ неба безъ трудовъ и подвиговъ со своей стороны въ пользу его. Въ *національно-эсхатологическомъ* воззрѣніи іудейскаго богословія временъ Христа царство Божіе есть исключительно внѣшнее откровеніе Бога въ мірѣ, устрояемый могуществомъ Божіимъ особый порядокъ вещей, къ участию въ осуществленіи котораго не призваны люди, ибо этотъ порядокъ вещей сразу ех *abrupto* дается имъ со внѣ, съ неба, а не достигается въ связи съ ихъ усиліями и трудами на осуществленіе его. Такимъ же дѣломъ внѣшняго могущества является царство Божіе и въ школьныхъ эсхатологическихъ представленіяхъ, съ несущественнымъ лишь отличіемъ отъ іудейскихъ представленій: въ іудейскомъ богословіи человѣкъ приглашается ожидать отъ Бога царства Божія *на землѣ*, а въ нашемъ школьномъ богословіи—только *въ загробной жизни* и въ *будущемъ вѣкѣ*, „по скончаніи временъ“, за порогомъ естественно-исторической жизни на землѣ. Въ обоихъ случаяхъ царство Божіе не есть дѣло подвиговъ и самого человѣка, жизненная задача, идеалъ его; словомъ, по іудейско-схоластическому воззрѣнію царство Божіе исключительно *трансцендентно*.

Такое воззрѣніе глубоко противорѣчитъ евангельскому ученію о царствѣ Божіемъ. Въ Евангельскомъ ученіи о царствѣ Божіемъ выдвигается съ особенною очевидностью въ противовѣсъ іудейскому супранатуралистическому воззрѣнію другая сторона царства Божія, по которой оно является дѣломъ также естественныхъ нравственныхъ силъ человѣка. и красной нитью черезъ всѣ притчи о царствѣ Божіемъ

проходить идея, совершенно чуждая іудейско-схоластическому воззрѣнію на царство Божіе, именно *идея развитія царства Божія* ¹⁾. Царство Божіе по ученію евангелія есть чудо и дѣло любви и мудрости Божественной; но какъ всё чудеса, такъ и это чудо, въ основаніи своемъ не отрицаетъ соучастія естественнаго фактора или естественныхъ силъ, каковыми здѣсь является разумная человѣческая личность въ полнотѣ всѣхъ ея силъ и способностей и въ ея конкретномъ проявленіи въ исторіи. Объ основаніи царства Божія Спаситель говоритъ намъ въ притчѣ о Сѣятелѣ. По этой притчѣ царство Божіе созидается не чудеснымъ или сверхъестественнымъ Божественнымъ всемогуществомъ, а проповѣдью евангелія, которое, какъ сѣмя, падаетъ на человѣческія сердца и дѣйствуетъ въ нихъ не съ неодолимою силою физической необходимости, но встрѣчаетъ себя ограниченія въ свойствахъ почвы (сердце), которыхъ Богъ не уничтожаетъ силою. Очевидно, по самому своему основанію царство Божіе подлежитъ закону *роста и развитія*, и это изображается притчею о сѣмени растущемъ (Мр. IV, 26—29): сѣмя слова Божія растетъ въ сердцахъ, принявшихъ его, своею собственною силою, по присущимъ ему законамъ органическаго роста, и раскрывается постепенно въ разныхъ формахъ безъ чрезвычайнаго или чудеснаго воздѣйствія со стороны Бога; для такого воздѣйствія открывается мѣсто съ созрѣваніемъ плодовъ и наступленіемъ времени жатвы: тогда Господь „посылаетъ серпъ Свой“. Притчи о закваскѣ и о зернѣ горчичномъ рисуютъ постепенность *внутренняго* и *внѣшняго* роста царства Божія. Слово евангельское въ притчѣ о закваскѣ изображается внутреннею силою, постепенно преобразующею всю жизнь отдѣльныхъ лицъ и всего человѣчества, а притча о зернѣ горчичномъ говоритъ о постепенно возрастающемъ объемѣ царства Божія и о разши-

¹⁾ Эта идея еще доселѣ не нашла себя мѣста въ эсхатологіи школьнаго богословія, гдѣ будущее исполненіе царства Божія или его окончательное утвержденіе (Consummatio, *συντέλεια τοῦ αἰῶνος*, Vollendung) представляется большею частью дѣломъ только внѣшняго и внезапнаго перелома, дѣйствіемъ сверхъестественнаго Божественнаго могущества съ исключеніемъ естественныхъ факторовъ или условій въ созиданіи царства Божія и постепеннаго подготовленія царства Божія естественнымъ ходомъ исторіи подъ управленіемъ Божественнаго Промысла.

реніи границъ въ дѣйствіи этой могущественной силы, предназначенной все покорить Христу. Притчи о работникахъ въ виноградникѣ (или „о неравной наградѣ“—Мѡ. XX, 1—16) и о талантахъ(—XXV, 14—30) говорятъ намъ объ участіи или содѣйствіи естественнаго фактора въ ростѣ и образованіи царства Божія, каковымъ является самъ человѣкъ въ его посильныхъ трудахъ и службѣ царству Божию на землѣ или въ земной стадіи своего бытія. Не только притчами, но и безъ иносказаній въ самыхъ ясныхъ выраженіяхъ Иисусъ Христосъ развиваетъ мысль о царствѣ Божіемъ, какъ цѣли или идеалѣ, постепенно осуществляемомъ трудами и подвигами людей, когда требуетъ, что бы мы искали царства Божія и правды его, молились о наступленіи его (Мѡ. VI, 33; Лк. XII, 31; Мѡ. VI, 10) и не боялись тѣснаго и труднаго пути подвиговъ, ведущаго въ царство Божіе (Мѡ. XI, 12; Лк. XVI, 16—16 ср. Дѣян. Ап. XIV, 22, Мр. X, 23 и др.).

Вообще, въ евангельскомъ ученіи царство Божіе не есть нѣчто готовое, извнѣ данное и совершенное, но еще только уготавливаемое и развивающееся; какъ нѣчто еще растущее, царство Божіе болѣе въ будущемъ, чѣмъ въ настоящемъ. Царство Божіе дѣйствительно представляется въ евангельскомъ ученіи будущимъ, ненаступившимъ еще, имѣющимъ придти (напр. Лук. XXII, 16—18, 30; Мѡ. XXVI, 29; Мр. XIV, 25; Мѡ. XXV, 34; XXI, 31 и др.); но такъ—какъ въ томъ же евангельскомъ ученіи царство Божіе нерѣдко представляется уже пришедшимъ и настоящимъ, то въ богословіи естественно возникаетъ трудный вопросъ о способѣ объясненія этого кажущагося противорѣчія, рационалистами признаваемаго за дѣйствительное ¹⁾. Однако труднымъ этотъ вопросъ можетъ представляться лишь для богословія на почвѣ выше рассмотрѣннаго *ультра—супранатуралистическаго* воззрѣнія, исключающаго идею развитія царства Божія, но онъ самымъ естественнымъ образомъ разрѣшается для держащихся евангельскаго понятія о царствѣ Божіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, если царство Божіе есть порядокъ вещей, создаваемый дѣйствіемъ одного внѣшняго Божественнаго могущества, и при томъ конечно, дѣйствіемъ мгновеннымъ, согласно ходячимъ

¹⁾ Пришедшимъ царство Божіе представляется напр. въ Мѡ. III, 3: Мр. I, 15; Мѡ. XI, 12; Лк. XVII, 21 ср. Евр. VI, 5 и XII, 28 и др.

эсхатологическимъ взглядамъ, то о такомъ царствѣ Божіемъ можно будетъ говорить только одно изъ двухъ: или — что оно уже есть, дано; или же—что его нѣтъ. Иначе обстоитъ дѣло съ царствомъ Божіимъ, которое въ притчахъ изъясняется сравненіемъ съ сѣменемъ, закваскою, пшеницею, зерномъ горчичнымъ, сѣменемъ, невидимо растущимъ на полѣ. Царство Божіе въ такомъ пониманіи можетъ одновременно представляться и пришедшимъ, и будущимъ. Царство Божіе есть и пришло къ намъ со Христомъ, вмѣстѣ съ первымъ сѣменемъ евангельскаго слова, брошеннымъ въ сердца людей великимъ Святелемъ истины и добра. Но царство Божіе заключено было во времена Христа въ сѣмени или зародышѣ, и пока изъ зерна, зарытаго въ землѣ, не вышло растенія и растеніе не созрѣло и не принесло всѣхъ плодовъ своихъ, нельзя было называть царство Божіе пришедшимъ (во всей полнотѣ). Таковымъ остается царство Божіе и нынѣ: рассматриваемое со стороны своего конечнаго осуществленія, царство Божіе, какъ всякій высокій идеаль, принадлежитъ будущему; но это будущее заключено въ настоящемъ, какъ въ потенціи или возможности, и въ этомъ смыслѣ царство Божіе есть и нынѣ: и нынѣ зрѣетъ закваска царствія Божія, невидимо растетъ среди насъ доброе сѣмя царства Божія и вырастаетъ въ зелень, созрѣвающую въ плоды царства Божія, пока не настанетъ время жатвы, вѣдомое одному Хозяину.

Если мы рассмотримъ, каковы размѣры внѣшняго роста царства Божія, или его границы и объемъ, то отмѣтимъ еще одно изъ свойствъ царства Божія, вытекающихъ изъ существа его,—*всеобъемлемость* или космическій характеръ царства Божія. Сначала царство Божіе бываетъ зерномъ горчичнымъ, которое меньше всѣхъ сѣмянъ, или же малою закваскою, положенною въ три мѣры муки, отъ которой вскисло все. (Числомъ этимъ выражается идея полноты и законченности, какъ и семью). Такимъ царство Божіе бываетъ внутри или въ душѣ отдѣльной личности, но здѣсь только начало или зерно царства Божія: царство Божіе распространяется все далѣе и далѣе отдѣльныхъ лицъ, пока *все*, что есть, не войдетъ въ его границы, пока не *будетъ Богъ все во всемъ* (1 Кор. XV, 28), единымъ царемъ всего творенія (Псал. 102, 19); пока „царство міра“ не сдѣлается „царствомъ

Господа нашего и Христа Его“ (Апок. XI, 15). Прежде всего царство Божіе водворяется въ человѣкѣ, въ его душѣ и даже тѣлѣ, когда съ обновленіемъ духовнаго естества человека, воссоединеніемъ его съ Богомъ обновляется весь человѣкъ, и не грѣхъ, а Богъ начинаетъ царствовать въ смертномъ тѣлѣ его (Рмл. VI, 12). Отсюда царство Божіе переходитъ далѣе на общество, народы и все человѣчество, слагаемая изъ отдѣльныхъ личностей. Но и тутъ не положено еще послѣднихъ границъ царству Божію. Начинаясь съ человека, этого микрокосма (малаго міра), царство Божіе распространяется на макрокосмъ или всю землю и завершается въ немъ. Макрокосмическое завершеніе или исполненіе царства Божія во внѣшней природѣ, т. е. обновленіе твари, покореніе ея волѣ Божіей, есть слѣдствіе или отраженіе на периферіяхъ совершающагося въ центрѣ соединенія людей съ Богомъ. По ученію христіанскому природа внѣшняя не остается безучастною къ совершающемуся въ человѣкѣ и исторіи человѣческой въ силу особеннаго, господственнаго, положенія, отведеннаго въ ней Богомъ человеку, ради котораго сотворена земля. Поэтому Библія явно ставитъ обновленіе всей твари, завершаемое созданіемъ новаго неба и земли (2 Пт. III, 13), въ причинную связь съ обновленіемъ человека (Рмл. VIII, 19—22). Царство Божіе есть кругъ, въ которомъ человекъ съ его богоподобною природою, какъ душа царства Божія, находится въ центрѣ великаго круга, а прочее, къ периферію, есть космическая среда, въ которой предназначено осуществленіе богочеловѣческой жизни. Надобно-ли говорить о естественности и необходимости измѣненій среды соотвѣтственно съ потребностями живущаго въ ней человека и происходящими съ нимъ измѣненіями? И мы поэтому *ожидаемъ новаго неба и новой земли, на которой обитаетъ правда*“ (2 Пет. III, 13),— *ожидаемъ „по обѣтованію Господа“.*

Космическое исполненіе царства Божія или преобразование земли въ царство Божіе, какъ видимъ изъ приведеннаго свидѣтельства апостольскаго, есть ученіе Самого Господа Иисуса Христа; ученіе же Его объ основаніи царства Божія на землѣ путемъ преобразованія всѣхъ областей человѣческой жизни и дѣятельности силою Евангелія, этой закваски, заквашивающей *все*, соли земли, свѣта міра,—это ученіе за-

ключено въ ясныхъ словахъ Евангелія, и потому мы не можемъ взять на себя смѣлость повторять съ другими явную ошибку, будто Спаситель ограничивалъ предѣлы царства Божія сферою внутренней личной жизни и всегда училъ только о царствѣ Божіемъ, „пребывающемъ внутри насъ“, т. е. какъ объ извѣстномъ духовномъ настроеніи, опредѣляемомъ въ Рмл. XIV, 17; а подѣ царствомъ Божіимъ въ смыслѣ внѣшнемъ разумѣлъ только общество Своихъ послѣдователей или церковь. По ученію Христову царство Божіе не ограничивается сферою одной внутренней жизни. Оно постоянно растетъ извнутри наружу и захватываетъ въ себя земную жизнь человѣческую во всѣхъ проявленіяхъ и формахъ ея, пока все въ мірѣ не будетъ приведено въ гармонію съ Божественною волею, и міръ станетъ царствомъ Божіимъ ¹⁾.

Изъ всего вышесказаннаго ясно слѣдуетъ тотъ выводъ, что царство Божіе осуществляется и существуетъ внѣшнимъ реальнымъ образомъ, обнимая собою не только невидимую внутреннюю жизнь вѣрующихъ, но и всю область земныхъ отношеній и условій земного человѣческаго существованія. Наука, литература, искусство, семья, общество, право, государство, образованіе и т. д. — всѣ внѣшнія формы нашей земной жизни и всѣ наши дѣла должны испытать на себѣ обновляющую и очищающую силу евангелія, что бы все земное и мірское вошло въ составъ царства Божія, *да будетъ Богъ вся во всемъ*. Это преобразование и включеніе всего мірскаго въ составъ царства Божія есть цѣль послѣдняго, къ достиженію которой ведетъ насъ Промыслъ въ исторіи. Что Господь нашъ училъ именно о такомъ царствѣ, а не о загробномъ только и послѣисторическомъ, это видно изъ молитвы Господней, гдѣ Господь велѣлъ намъ молиться о возможномъ осуществленіи воли Божіей на землѣ, какъ на небѣ, и заповѣдалъ молиться о наступленіи царства Божія и на землѣ, чѣмъ не позволилъ переносить царство Божіе исключительно въ загробный и послѣисторическій періодъ его развитія, съ допущеніемъ царства Божія на землѣ лишь подѣ видомъ церкви. Здѣсь именно, на землѣ, велѣлъ

---

¹⁾ Не могу не рекомендовать вниманію читателей прекрасныхъ строкъ по этому вопросу у *A. Neander. Das Leben Jesu Christi* 103—105.

искать царства Божія Господь словами: „Ищите же прежде царства Божія и правды Его, и это все приложится вамъ“ (Мѣ. VI, 33). Что—„это“? Пища и одежда, блага земныя (ст. 19, 25; 31). Очевидно, не о небесномъ царствѣ рѣчь здѣсь, гдѣ не пьютъ, не ѣдятъ, не женятся, не посягаютъ, но яко ангели Божіи живутъ.

Ясный смыслъ евангельскаго ученія, какъ видимъ, не дозволяетъ отрицать царство Божіе на землѣ и ограничивать его здѣсь сферою церкви. Смѣшеніе царства Божія съ церковью одна изъ печальнѣйшихъ ошибокъ въ исторіи христіанской богословской мысли по своимъ послѣдствіямъ для общаго христіанскаго міросозерцанія, какъ это увидимъ далѣе. Одинъ, самый главный источникъ этой ошибки, умѣстно отмѣтить здѣсь-же. Отрицаніе царства Божія на землѣ (съ отождествленіемъ его съ церковью) можетъ быть послѣдствіемъ общаго неправильнаго воззрѣнія на христіанство. Таково псевдо-аскетическое, довольно распространенное, объясненіе христіанства, гдѣ послѣднее низводится на степень какого-то подобія буддійской религіи скорби и отчаянія. Въ псевдо-аскетическомъ міровоззрѣніи на землѣ не оставляется мѣста для царства Божія, ибо земля наша здѣсь представляется сплошною скверною и нечистотою, юдолюю плача, скорбей и страданій, „вѣчнаго креста“, возлагаемаго Христомъ на послѣдователей. Ожиданіе лучшаго будущаго для человѣчества, вѣра въ историческій прогрессъ всячески отвергаются и вышучиваются въ этомъ мрачномъ псевдо-христіанскомъ міровоззрѣніи, какъ жалкая утопія, приличная развѣ матеріалистамъ и „современнымъ прогрессистамъ“, лишеннымъ вѣры въ Бога и будущую жизнь,—утопія, явно будто-бы обличаемая Евангеліемъ: Евангеліе не обѣщаетъ благъ земныхъ своимъ послѣдователямъ и не ведетъ насъ къ земному раю или золотому вѣку на землѣ. Весь существенный смыслъ и главнѣйшее благо евангельской радостной вѣсти въ этомъ буддійскомъ толкованіи исчерпывается ученіемъ о тлѣнности и суетѣ всего земнаго и требованіемъ презрѣнія къ міру и бѣгства отъ него. „Аскетическое начало“, говорятъ намъ,—„отличительная особенность христіанства, религіи Креста и страданій“; намъ говорятъ, что „противорѣчіе между міромъ и церковью прористекаетъ изъ сущности этихъ явленій и отмѣчено Хри-

стомъ, какъ неизмѣнный законъ жизни, что бѣгство отъ міра всегда считалось надежнѣйшимъ путемъ въ царствіе Божіе“ (іеромонахъ Тарасій въ ж. *Вѣра и Церковь* 1902, кн. 2, стр. 297).

Эта рѣчь звучитъ однимъ презрѣніемъ и враждою къ міру. Осмѣлюсь сказать еще, эта рѣчь отзывается клеветою на истинный христіанскій аскетизмъ, неразлучный съ христіанскою любовью къ міру и своего рода службою царству Божію на землѣ. Подвижники святые въ удаленіи отъ міра сіяютъ міру примѣрами высокої ревности и благочестія; подвигами распинанія плоти „съ ея страстьми и похотьми“ они даютъ ему суровое и столь всегда нужное напоминаніе о грѣхѣхъ и о небѣ. Такъ, не въ сторонѣ отъ путей къ царству Божію стоитъ истинное подвижничество и служить ему даже въ бѣгствѣ отъ міра. Но есть и иные работники царства Божія, подвизающіеся въ самомъ мірѣ для торжества царства Божія и правды его въ немъ. Это тѣ, которые не изъ холодной дали пустынь и иныхъ убѣжищъ, а въ самомъ мірѣ свѣтятъ міру и согрѣваютъ его свѣтомъ своей вѣры и любви; которые вмѣстѣ съ міромъ сливаются въ его скорбяхъ и страданіяхъ въ борьбѣ за царство правды на землѣ; это тѣ, которые служатъ непосредственно и дѣятельно царству Божію въ мірѣ, хотя сами они не отъ міра, по примѣру Божественнаго Основателя царства Божія, Царя своего, и первыхъ слугъ, апостоловъ Его: *они были не отъ міра, какъ и Онъ не отъ міра* (Ев. Іоан. XVII, 14, 16). Господь не хотѣлъ взять ихъ изъ міра, но Онъ восхотѣлъ, что бы они и всѣ послѣдователи Его, будучи въ мірѣ и пребывая въ немъ чистыми отъ зла, несли міру свѣтъ и добро (Іо. XVII, 15 и XV, 16; Ср. также 1 Кор. V, 10) ¹⁾. Міръ полонъ зла

¹⁾ Въ толкованіи на притчу о закваскѣ, гдѣ подъ закваскою разумѣются двѣнадцать апостоловъ съ проповѣдью евангелія, а подъ тѣстомъ—весь міръ, св. *Іоаннъ Златоустъ* говоритъ: „Какъ закваска надъ большимъ количествомъ муки производитъ то, что мукѣ усвоится сила закваски, такъ и вы (говоритъ Господь ученикамъ) преобразуете цѣлый міръ... Не говори мнѣ: что сможемъ сдѣлать мы, двѣнадцать человекъ, вступивъ въ среду такого множества людей? Въ томъ самомъ и обнаружится яснѣе ваша сила, что вы, вмѣшанные во множество, не предадитесь бѣгству. Какъ закваска тогда только заквашиваетъ тѣсто, когда бываетъ въ соприкосновеніи съ мукою, и не только прикасается, но даже смѣшивается съ нею (потому и не сказано—положи, но—смѣши), такъ и вы, когда вступите въ неразрывную связь и единеніе со врагами сво-

и страданій, онъ *весь во зльъ лежитъ*... Въ немъ страдаютъ голодные, неодѣтые, безпріютные, больные и многіе другіе несчастливцы и отверженцы человѣческаго общества. Христосъ любитъ ихъ и въ любви Своей сливается съ ними. Служеніе „симъ меньшимъ“ въ мірѣ нашъ Господь и Царь принимаетъ за служеніе Ему самому (Мѣ. XXV, 45)... Какъ же можемъ мы иначе служить нашему Царю, какъ не этимъ служеніемъ Ему въ мірѣ въ лицѣ „меньшихъ сихъ“ братій нашихъ?! Чѣмъ будетъ бѣгство наше изъ міра, какъ не уклоненіемъ отъ дѣйствительной службы нашему Царю, отъ подвиговъ дѣятельной любви и самоотверженія? Гдѣ и какъ еще мы можемъ исполнять заповѣдь Христа, безъ исполненія которой нельзя быть учениками Его, какъ не въ мірѣ (Іо. XIII, 34—35)? Посему бѣгство изъ міра, даже наиболѣе христіанское,—бѣгство безъ горделиваго презрѣнія къ міру и съ жалостью къ нему,—да не считается и такое бѣгство высшимъ и лучшимъ подвигомъ служенія Христу, а пребываніе въ мірѣ—меньшимъ! Будемъ бояться, какъ-бы наше бѣгство отъ міра не было бѣгствомъ отъ царства Божія и дѣятельнаго служенія ему на землѣ!

Отрицаніе царства Божія на землѣ въ аскетическомъ пониманіи христіанства связано съ ригористическимъ взглядомъ на земную жизнь и земныя блага, нами уже разобраннмъ выше въ этой главѣ, а потому здѣсь умѣстно отмѣтить только характерныя частности въ псевдо-аскетическихъ взглядахъ на царство Божіе и приводимыхъ имъ основаній къ отрицанію царства Божія на землѣ.

„Земля не мѣсто блаженства и утѣхъ человѣка,—царство Божіе здѣсь не возможно“... Говорить такъ не значить-ли сдѣлать обмолвку насчетъ собственныхъ представленій о царствѣ Божіемъ и дать основаніе заподозрить въ нихъ эвдемонистическую подкладку, какъ у хиліастовъ, социалистовъ и т. п. Развѣ мы въ своихъ исканіяхъ царства Божія на землѣ мечтаемъ о блаженствѣ? Нѣтъ, предметомъ нашихъ стремленій служить не блаженство само по себѣ, а прежде всего и даже прямо правда царства Божія, водвореніе правды на землѣ, въ земныхъ нашихъ отношеніяхъ, съ которою прихо-

---

ими, тогда ихъ и преодолѣте“ (Творенія т. VII, кв. 1, стр. 484. Спб. 1901). Одобряется-ли тутъ проповѣдь бѣгства изъ міра ради царства Божія?..

дять миръ и счастье ¹⁾! Наши стремленія очень почтенны и чисты...

Говорять: „Господь всегда старался разсѣять надежды Своихъ послѣдователей на какое-то земное вѣншее счастье и говорилъ имъ о внутреннемъ блаженствѣ сыновъ Его царства“... Но говорить это значить забыть сказанное Спасителемъ о земномъ благополучіи, какъ естественномъ слѣдствіи исканія царства Божія на землѣ (Мѡ. VI, 33), чѣмъ подается намъ надежда на лучшее будущее и въ нашихъ земныхъ отношеніяхъ. Надежды наши на лучшее будущее этими утѣшительными словами утверждаются, а не разсѣваются; здѣсь будущее отдается въ наши собственныя руки,—мы сами можемъ и должны трудиться надъ улучшеніемъ его,—и это улучшеніе жизни возможно, достижимо, ибо отъ насъ зависитъ возрастаніе правды въ нашей жизни и покорность благотворной силѣ евангелія.

А вотъ одно изъ наиболѣе распространенныхъ возраженій противъ царства Божія на землѣ. Ожиданіе въ будущемъ какого-то всеобщаго царства любви или царства Божія на землѣ, говорятъ намъ, несомѣстимо съ ученіемъ Библии о послѣднихъ судьбахъ міра или о послѣднихъ временахъ, ибо Евангеліе говоритъ намъ объ умноженіи зла на землѣ къ концу временъ, объ оскудѣннй вѣры и любви, о пришествіи антихриста (2 Тм. III, 1—5; Мѡ. XXIV, 12 и др.) и т. п. Это возраженіе, пожалуй, можетъ смутить иныхъ кажущуюся своею серьезностью: вѣдь тутъ намъ говорятъ отъ имени Библии, и при томъ—съ большою увѣренностью. Однако, для внимательныхъ, за этимъ возраженіемъ кроется не мало недоразумѣній и явно ошибочнаго. Прежде всего можно-ли принимать столь увѣренный тонъ въ рѣчахъ о непроницаемомъ для насъ будущемъ—даже и при свѣтѣ откровенія, говорящаго намъ весьма мало и прикровенно о послѣднихъ временахъ (Д. Ап. I, 7; Mr. XIII, 32)? Правильно ли представлены здѣсь послѣднія времена или конецъ человѣческой исторіи и не слишкомъ-ли тутъ стгущаются краски вопреки слову Божію, когда замалчиваются упоминаемая въ немъ отрадныя явленія и событія? Почему оставляются безъ всякаго вниманія въ сужденіяхъ о послѣднихъ

¹⁾ Ев. Мѡ. VI, 33 ср. 2 Петр. III, 13.

временахъ распространеніе Евангелія во всемірѣ, вступленіе Израиля въ лоно христіанской церкви, столь плодотворное для нея, прекращеніе „временъ язычниковъ“, стойкость „избранныхъ“ въ вѣрѣ при самыхъ сильныхъ искушеніяхъ ея? Почему также не придается никакого значенія въ составленіи общей картины послѣднихъ временъ рѣчамъ Откровенія (Апок. XXI) о тысячелѣтнемъ Христовомъ царствѣ, имѣющимъ несомнѣнное значеніе нѣкоего намека, хотя и глубоко таинственнаго, на какое-то торжество добра надъ зломъ въ концѣ человѣческой исторіи? На основаніи слова Божія утверждаемъ: пессимисты рисуютъ предъ нами невѣрную картину конца временъ. Будущее по изображенію Библии гораздо отраднѣе. При правильной точкѣ зрѣнія на дѣло, можетъ не оказаться ничего смущающаго нашу вѣру въ прогрессъ и лучшее будущее въ указываемомъ фактѣ „умноженія беззаконій“ и оскуднѣнія любви въ людяхъ. Во-первыхъ, избранные останутся, и число ихъ можетъ быть великимъ, сравнительно; ибо и нынѣ, и нѣсколько вѣковъ тому назадъ, какъ всегда,—много-ли бы оказалось избранныхъ, если-бы какимъ-либо образомъ мгновенно произведено было отдѣленіе пшеницы отъ плевелъ?... Но остатокъ избранныхъ будетъ не малъ. Это видно изъ притчи Господа о всеобщемъ судѣ, гдѣ въ однихъ выраженіяхъ овцы противопоставляются козламъ, — „тѣ, которые по правую сторону“—„тѣмъ, которые по лѣвую сторону Сына человѣческаго“. Если, что несомнѣнно, лѣвая сторона на судѣ этомъ будетъ велика, то столь же велика должна быть и правая, ей противопоставляемая въ качествѣ чего-то равносильнаго; иначе такого противопоставленія не было-бы. Во-вторыхъ, фактъ умноженія беззаконій, въ правильномъ освѣщеніи, ничего не говоритъ о регрессивномъ ходѣ исторіи. Усиленіе зла въ концѣ временъ не противорѣчитъ прогрессивному ходу исторіи,—болѣе того, требуется имъ. Обнаруженіе нынѣ скрытаго въ человѣчествѣ зла до размѣровъ самой рѣзкой и явной противоположности добру необходимо въ царствѣ Божіемъ. Безъ этого невозможно было-бы достиженіе провиденціальной въ исторіи цѣли отдѣленія добра и зла, пшеницы и плевелъ, нынѣ, въ исторической стадіи царства Божія, по допущенію Божественной Мудрости, смѣшанныхъ и растушихъ вмѣстѣ (Мѣ. XIII, 27—30). Такое, постоянное,

смѣшеніе добра и зла въ мірѣ препятствовало-бы надлежащему отличенію истины отъ лжи, добра отъ зла, а слѣд. и познанію добра. Но настанетъ время, когда на черномъ фонѣ зла мірового дано будетъ во всемъ блескѣ засіяты міру чистой истиной Евангелія, безъ всякихъ поддѣлокъ ея! Всѣмъ сказаннымъ здѣсь предполагается и еще одна общая ошибка нашихъ оппонентовъ—пессимистовъ въ ихъ разсужденіяхъ о концѣ міра: это — ихъ общее философско-историческое міровоззрѣніе. По ихъ мнѣнію, выдаваемому за ученіе христіанское, ходъ исторіи регрессивный, понятіе же прогресса есть нѣчто чуждое христіанству и какъ-бы зазорное, недо-зволённое христіанину (Пусть вѣрятъ въ прогрессъ дарвинисты, социалисты и разные „прогрессисты“?). Ничто не можетъ быть ошибочнѣе такой философіи исторіи, яко-бы христіанской! Идея прогресса—христіанское произрастеніе и порождена Библиею. Библия разсматриваетъ весь міровой историческій прогрессъ во свѣтѣ идеи постепеннаго совершенствованія человѣчества вмѣстѣ съ постепеннымъ осуществленіемъ искупленія его отъ зла, во свѣтѣ постепеннаго откровенія Бога твари, все полнѣе и полнѣе открывающагося въ мірѣ съ приближеніемъ къ концу исторіи, пока теченіемъ временъ всѣ мы не будемъ приведены къ видѣнію славы Божіей лицомъ къ лицу въ полнотѣ временъ. Въ этомъ именно весь смыслъ нашей христіанской вѣры, нашей надежды. Мы, христіане, только и можемъ быть истинными прогрессистами. Наша вѣра въ конечное торжество добра надъ зломъ подтверждается свидѣтельствомъ исторіи о расширяющихся завоеваніяхъ евангелія въ человѣчествѣ несмотря на все возрастающее въ немъ зло; она утверждается на обѣтованіи Господа о побѣдѣ надъ міромъ (Іоан. XVI, 33). Конецъ міра представляется намъ, согласно съ этимъ, не пораженіемъ, а окончательною побѣдою добра надъ зломъ, къ которой насъ ведетъ исторія. Нѣтъ, какъ христіанинъ, я не усматриваю въ послѣднихъ временахъ, сколь ни мрачны они, ничего, враждебнаго своей христіанской надеждѣ и вѣрѣ въ усиленіе царства Божія на землѣ. Впрочемъ, если-бы мы даже согласились признать вѣрными указанная разсужденія о послѣднихъ временахъ, какъ неблагопріятныхъ для царства Божія, то и тогда изъ нихъ не вытекало-бы, что царство Божіе на землѣ невозможно и что стремленія

наши къ лучшему будущему напрасны и ненужны. Стремленіе къ лучшему будущему и вѣра въ постепенное усовершенствованіе человѣческаго рода не могутъ быть заглушены никакими хитрыми разсужденіями: все это заложено въ природѣ богоподобнаго духа человѣческаго, надѣленнаго стремленіемъ къ безконечному совершенствованію. Эта вѣра въ лучшее будущее только и даетъ смыслъ человѣческой жизни и исторіи человѣчества,—безъ нея нельзя жить. Неизбѣжный конецъ въ исторіи, конецъ жизни человѣчества, не можетъ препятствовать человѣчеству заботиться о лучшемъ будущемъ, какъ не препятствуетъ заботамъ о будущемъ и вѣра въ него каждому изъ насъ стоящая за плечами нашими смерть. Но въ настоящемъ случаѣ, наша вѣра находитъ себѣ оправданіе не только въ нашей природѣ, но, какъ видѣли, и словѣ Божіемъ.

Знакомо намъ еще и такое разсужденіе противниковъ царства Божія на землѣ. Земля, говорятъ, обречена на гибель и разрушится въ концѣ міра, а потому не можетъ быть пригоднымъ для царства Божія мѣстомъ и вѣчнымъ жилищемъ человѣка: въ домѣ Отца небснаго много обителей уготовано человѣку въ замѣнъ предназначенной къ разрушенію нашей земли (Ю. XIV, 2; 2 Пет. III, 10—11).

Какія райскія обители уготованы людямъ помимо земли и гдѣ именно онѣ, мы ничего не знаемъ и не можемъ знать о томъ; но намъ дано знать и нашимъ положеніемъ на землѣ, созданной для человѣка и приспособленной къ его потребностямъ, и словомъ Божіимъ, что земля будетъ мѣстомъ рая, „ибо такъ говоритъ Господь, сотворившій небеса; Онъ, Богъ, образовавшій землю и создавшій ее, не напрасно сотворилъ ее: Онъ образовалъ ее для жительства“ (Ис. XLV, 18). Раемъ будущимъ земля изображается во мвогихъ мѣстахъ Св. Писанія (напр. Ис. LX, 19—21; LXV, 17—25; Мф. V, 5; Апок. XXI и др.). Что касается предположенія объ уничтоженіи или разрушеніи земли, то оно противно ученію Свящ. Писанія о концѣ міра: конецъ міра здѣсь изображается не разрушеніемъ, а обновленіемъ или *преобразованіемъ* его. Таково общее вѣрованіе церкви ¹⁾.

¹⁾ См. ст. „Что будетъ съ землею? Эсхатологическій опытъ“ въ ж. *Православное Обозрѣніе* 1889, окт.

Противники царства Божія на землѣ совершенно отрицаютъ права нашей земли на царство Божіе. Въ этомъ они не правы. Они правы были-бы только утверждать, что въ условіяхъ земного историческаго существованія царство Божіе не можетъ быть осуществлено во всей полнотѣ, и что совершеннѣйшее и окончательное откровеніе царства Божія относится къ „будущему вѣку“, въ концѣ міра, что цѣлью устройства именно царства Божія и будетъ второе явленіе на землю Сына Человѣческаго во славѣ. Разсматриваемое съ этой стороны, царство Божіе можетъ представляться и какъ нѣчто будущее, хотя оно уже есть на землѣ, гдѣ положено ему начало. Эта *эсхатологическая* сторона необходима въ полномъ и правильномъ воззрѣніи на царство Божіе, если мы не хотимъ впасть въ крайность односторонняго *этического* воззрѣнія, принадлежащаго раціонализму: созиданіе царства Божія продолжается за предѣлами историческаго земного существованія человѣчества и исторія царства Божія не умѣщается въ рамкахъ одной земной человѣческой исторіи ¹⁾.

Подведемъ итоги всему, сказанному доселѣ. Мы разсмотрѣли царство Божіе въ его существѣ и дали ему опредѣленіе съ этой стороны. Разсмотрѣвши, далѣе, царство Божіе въ его явленіи, мы должны, естественно, дать опредѣленіе царству Божію и съ этой его стороны.

Разсматриваемое въ себѣ самомъ или въ своемъ существѣ, царство Божіе, какъ видѣли, есть жизнь людей въ Богѣ, дарованная имъ во Христѣ. Этимъ опредѣленіемъ царство Божіе не все исчерпывается: здѣсь только зерно, а не все растеніе, вырастающее изъ зерна,—со стволомъ, вѣтвями, листьями и плодами, и съ птицами, укрывающимися въ листьѣ его... Полное опредѣленіе царства Божія, охватывающее его всецѣло и въ существѣ, и въ явленіи, само собою вытекаетъ изъ всего сказаннаго выше.

Царство Божіе въ общемъ или широкомъ смыслѣ есть постепенно устрояемый Провидѣніемъ совершенный порядокъ вещей въ природѣ и исторіи, въ которомъ возглавляемое Христомъ

---

¹⁾ Объ эсхатологической сторонѣ въ ученіи евангельскомъ о царствѣ Божіемъ и о совмѣстности ея съ его духовною или *этической* стороною рѣчь будетъ въ слѣд. III главѣ.

человѣчество участвуетъ во всѣхъ благахъ осуществленнаго Имя Божественнаго совѣта объ искупленіи міра ¹⁾.

Царство Божіе и Церковь. Понятіе церкви сопредѣльно, но отнюдь не тождественно понятію царства Божія. Отсюда различеніемъ царства Божія и церкви и выясненіемъ ихъ взаимныхъ отношеній окончательно выясняется понятіе о царствѣ Божіемъ. Если-бы мы ограничились общимъ опредѣленіемъ царства Божія, даннымъ выше, то, какъ-бы ни было оно точно и совершенно, наше понятіе о царствѣ Божіемъ все-таки не было-бы вполне отчетливымъ безъ надлежащаго выясненія взаимныхъ отношеній царства Божія и церкви. Этому предмету мы и посвящаемъ конецъ II главы: „Понятіе о царствѣ Божіемъ“.

Имя *церкви* (евр. *кагал*, греч. *ἐκκλησία*) въ евангельскомъ изложеніи ученія Христа встрѣчается только два раза, именно въ евангеліи отъ Матѳея XVI, 18, гдѣ въ отвѣтъ на исповѣданіе Петромъ вѣры его во Христа, какъ Бога, I. Христосъ объявляетъ ученикамъ о намѣреніи Своемъ создать на семь исповѣданій церковь, которой и врата адовы не одолѣютъ; затѣмъ слово *церковь* встрѣчается въ томъ же евангеліи XVIII, 17, гдѣ Господь говоритъ объ одномъ изъ особенныхъ преимуществъ или полномочій церкви (непогрѣшимаго суда церкви надъ грѣшными и непокорными ея членами). Въ другихъ евангеліяхъ, даже синоптическихъ, слово

¹⁾ Существующее филологическое опредѣленіе царства Божія (*βασιλεία τοῦ Θεοῦ*) имѣетъ общій вербальный опредѣленій недостатокъ—общности и неопредѣленности. „Царство“ (*βασιλεία*) употребляется въ греч., какъ въ другихъ языкахъ, напр. нѣмецкое *Königtum*, въ двоякомъ значеніи: 1) царская власть, достоинство, *regia potestas, imperii administratio*; 2) въ значеніи области, подчиненной царю, *terra regis imperio subjecta* (какъ *Königreich*). Очевидно, этими опредѣленіями ничего не дается намъ знать о свойствахъ Божественной власти и царства Божественнаго; но различіе двоякаго смысла слово „царство“ имѣетъ тѣмъ не менѣе свое важное значеніе; безъ него невозможно правильное чтеніе евангельскаго *текста съ мѣстами о царствѣ Божіемъ*. Между тѣмъ это необходимое условіе правильнаго толкованія евангельскаго ученія о царствѣ Божіемъ, кстатіи сказать, не всегда и не всѣми богословами соблюдается. Результаты получаютъ незавидные для обработки вопроса о царствѣ Божіемъ въ богословской наукѣ.

церковь совсѣмъ отсутствуетъ, и рѣчь вездѣ идетъ, повидимому, только о царствѣ Божіемъ. Это обстоятельство даетъ поводъ богословамъ-раціоналистамъ отрицать подлинность двухъ указанныхъ мѣстъ и тѣмъ прочистить путь къ утвержденію, будто въ намѣренія Господа не входило основаніе церкви въ усвоенномъ этому слову смыслѣ, т. е. въ смыслѣ внѣшне-организованнаго общества вѣрующихъ послѣдователей съ опредѣленнымъ исповѣданіемъ, культомъ и управленіемъ, во главѣ съ іерархіею, снабженною особыми полномочіями. Цѣлью Христова дѣла было будто-бы созданіе царства Божія въ смыслѣ духовнаго или нравственнаго союза людей, объединеніе всего человѣчества въ одну великую семью сыновъ Божіихъ, связанныхъ узами духовнаго родства и взаимной любви. Это невидимое, обнимающее весь міръ и всѣ грядущіе вѣка, царство правды и любви и было цѣлью Христа, ученіе же о церкви, какъ видимомъ или внѣшнемъ особенномъ обществѣ послѣдователей Христа объявляется измышленіемъ человѣческимъ. Такимъ образомъ дѣло Христово здѣсь сводится къ созданію царства Божія, односторонне понимаемаго въ указанномъ этическомъ смыслѣ. Но даже если-бы мы исключили приведенныя два мѣста изъ евангелія Матѳея подъ предлогомъ ихъ неподлинности (мнимой), то и тогда нашли-бы не мало въ евангельскомъ Христовомъ ученіи указаній на церковь, какъ нѣчто особое отъ царства Божія, напр., тамъ, гдѣ общество вѣрующихъ называется *стадомъ* (Лук. XII, 32; Іоан. X, 16), во главѣ котораго поставляется іерархія съ особыми ея полномочіями (Мр. X, 1—5; XXVIII, 11; Іо. XX, 23); въ которомъ Господь устанавливаетъ тѣснѣйшее общеніе со своими послѣдователями, соединенными съ Нимъ и въ Немъ наподобіе Лозы виноградной съ вѣтвями ея (Іо. XV, 1—7; XVII, 11—23), и въ которомъ, наконецъ, Онъ обѣщаетъ постоянное пребываніе съ вѣрующими „до скончанія вѣка“ (Мѳ. XXVIII, 20). Нѣтъ, наряду съ проповѣдью царства Божія мы находимъ въ евангельскомъ Христовомъ благовѣстіи также опредѣленную мысль о церкви, какъ о чемъ-то такомъ, что отлично отъ царства Божія и не покрывается понятіемъ о послѣднемъ, хотя и находится въ связи съ нимъ. Вслѣдствіи этого, хотя и рѣдко, въ евангеліи говорится, повидимому, о церкви и тамъ, гдѣ называется царство Божіе, напр. въ Іо. III, 3—6.

поскольку условіемъ вступленія въ царство Божіе здѣсь представляется таинство крещенія, или въ Мр. IX, 1 подъ царствомъ Божіимъ, „пришедшимъ въ силѣ“ уже для слушателей Христовыхъ, можетъ подразумѣваться только церковь. Точно также съ давнихъ временъ въ богословской литературѣ притчами о неводѣ, зернѣ горчичномъ, о жатвѣ и о званыхъ на вечерю пользуются, какъ источникомъ евангельскаго ученія о церкви, гдѣ церковь хорошо характеризуется съ нѣкоторыхъ своихъ сторонъ въ ея историческомъ развитіи и существованіи (со стороны распространенія въ мірѣ, своего земного состава и проч.), что и служитъ нѣкоторымъ основаніемъ такого употребленія названныхъ притчей Господа въ богословіи. Во всякомъ случаѣ возможно предполагать и даже есть право предполагать, что указанными притчами, специально разъясняющими царство Божіе, можетъ имѣться въ виду также и церковь, какъ понятіе частное всегда заключается въ общемъ, ибо несомнѣнно понятіе царства Божія по объему своему шире понятія церкви: царство Божіе и церковь относятся, какъ родъ къ виду по общепризанному положенію въ богословской наукѣ. Для кого это положеніе представлялось-бы не особенно обособленнымъ или сомнительнымъ, тотъ во всякомъ случаѣ долженъ будетъ признать всю силу того, по крайней мѣрѣ, факта, что въ евангельскомъ ученіи царство Божіе и церковь не отождествляются и не могутъ быть всюду отождествляемы безъ явнаго искаженія его смысла. Невозможность отождествленія царства Божія и церкви съ наглядною очевидностью показывается невозможностью замѣны одного термина другимъ въ большинствѣ изреченій Св. Писанія; такъ, пусть попробуютъ сказать: „Церковь внутри васъ“ или— „Господь Богъ стяжалъ царство Божіе кровію Своею“ (Д. Ап. Ап. XX, 28), или— вмѣсто „Церковь Бога живаго есть столпъ и утвержденіе истины“—сказать: „царство Бога живаго“ и проч!... Царство Божіе представляется въ евангельскихъ притчахъ о сѣмени, растущемъ тайно, и о сѣятелѣ. а также въ извѣстномъ изреченіи Спасителя (Лк. XVII, 20)—отличнымъ отъ церкви, видимаго общества съ видимою внѣшнею организаціею, съ опредѣленнымъ положеніемъ во времени и пространствѣ, съ опредѣленными внѣшними признаками, по которымъ общество Христовыхъ послѣдователей

можно отличить отъ всякихъ другихъ человѣческихъ обществъ на землѣ. По ученію евангельскому церковь была уже создана или пріобрѣтена кровію Христовою на Крестѣ (Д. Ап. XX, 28) и въ малой силѣ открылась въ день Пятидесятницы (Мр. IX, 1), тогда какъ въ молитвѣ Господней царство Божіе представляется еще не пришедшимъ, о наступленіи чего мы должны молиться: „Да придетъ царствіе Твое“! Все это явно говоритъ, что въ евангельскомъ ученіи царство Божіе и церковь не одно и то же.

Не отождествляются царство Божіе и церковь также и въ апостольскомъ ученіи,—въ посланіяхъ и апокалипсисѣ. Хотя въ апостольскомъ ученіи идея царства Божія не занимаетъ такого центрального положенія, какъ въ евангеліи, однако царство Божіе здѣсь часто служитъ темою апостольскаго ученія, при чемъ понятіе царства Божія здѣсь имѣетъ очень ясный и опредѣленный смыслъ. Во-первыхъ, царство Божіе, какъ и въ притчахъ евангельскихъ, въ апостольскомъ ученіи представляется настоящимъ, существующимъ на землѣ по мѣрѣ осуществленія воли Божіей и распространенія свѣта евангелія въ людяхъ; словомъ, мы видимъ здѣсь *этическое* пониманіе царства Божія въ мѣстахъ, какъ 1 Кор. IV, 20; Кол. IV, 11; Рм. XIV, 17; Кол. I, 13. Во-вторыхъ, и чаще всего, царство Божіе въ апостольскомъ ученіи представляется, какъ нѣчто будущее, имѣющее осуществиться со вторымъ славнымъ пришествіемъ Христовымъ, и выдвигается *эсхатологическая* точка зрѣнія въ ученіи о царствѣ Божіемъ. Перевѣсъ эсхатологической точки зрѣнія надъ этической въ понятіи о царствѣ Божіемъ можно назвать весьма характерною чертою апостольскаго ученія въ отличіе отъ евангельской *имманентно этической* концепціи царства Божія по преимуществу. Обстоятельство это получило въ богословской наукѣ удовлетворительное объясненіе, воспроизведеніе котораго здѣсь было-бы неумѣстно въ подробностяхъ; достаточно отмѣтить лишь соотвѣтствіе по преимуществу эсхатологической концепціи въ апостольскомъ ученіи съ господствовавшимъ въ раннюю христіанскую эпоху ожиданіемъ скораго пришествія Христова среди вѣрующихъ. Это показываетъ, что эсхатологическое пониманіе царства Божія было вообще господствующимъ и почти единственнымъ въ древнѣйшемъ христіанствѣ, и даже не могло быть

иннымъ: въ эсхатологическомъ возрѣніи находило естественное выраженіе себѣ господствовавшее въ древнемъ христіанствѣ ожиданіе скорого пришествія Христова, оно шло рука объ руку съ развитіемъ на почвѣ такого ожиданія, *хиліастическія* представленія о царствѣ Божіемъ.

Преобладаніе эсхатологическаго возрѣнія на царство Божіе въ древне-христіанскомъ обществѣ надъ другими его формами подтверждается древнѣйшею христіанскою литературою—отъ мужей апостольскихъ до III вѣка (см. посланія Климента Римскаго, Варнавы, Ерма, „Ученіе двѣнадцати апостоловъ“). До Климента Александрійскаго и Оригена мы не встрѣчаемъ ничего похожего на отождествленіе царства Божія съ церковью. Наилучшимъ доказательствомъ того, насколько такое отождествленіе не соотвѣтствуетъ общему духу и складу древне-христіанской мысли, можетъ служить точная справка изъ древне-христіанскаго литературнаго памятника высокой, почти апостольской важности, какъ *Λίδαχῆ τῶν δόδεκα ἀποστόλων*, показывающая тщательное различеніе въ вѣкѣ мужей апостольскихъ между церковью и царствомъ Божіимъ. Здѣсь повторяется молитва къ Богу о томъ, что бы разсѣянная по всему міру церковь собралась въ царство Божіе, уготованное ей. Излишне говорить, что такую молитвою предполагается тщательное различеніе понятій церкви и царства Божія ¹⁾.

Починъ рѣшительнаго, опредѣленнаго и намѣреннаго отождествленія царства Божія и церкви принадлежитъ въ христіанскомъ богословіи бл. Августину: его сочиненіемъ „О градѣ Божіемъ“ (*De Civitate Dei*), оказавшемъ вообще столь широкое и глубокое вліяніе на судьбы и дальнѣйшей богословской мысли и науки, особенно на христіанскомъ западѣ, создана эпоха въ исторіи идеи царства Божія. Въ Августиновскомъ возрѣніи, пустившемъ глубокія корни въ богословіи, царство Божіе единственное свое выраженіе или воплощеніе на землѣ находитъ только въ церкви; церковь и царство Божіе одно и то же; все же на землѣ, что нахо-

¹⁾ Οὕτω συναχθήτω ἡ ἐκκλησία ἀπὸ τῶν περάτων τῆς γῆς εἰς τὴν σὴν βασιλείαν (9, 4).—*Μνήσθη, Κύριε, τῆς ἐκκλησίας σου τοῦ ῥύσασθαι αὐτὴν ἀπὸ παντὸς πονηροῦ καὶ τελειῶσαι αὐτὴν ἐν τῇ ἀγάπῃ σου καὶ συναξον αὐτὴν ἀπὸ τῶν τεσσάρων ἀνέμων εἰς τὴν σὴν βασιλείαν, ἣν ἰτοίμησας αὐτῆ (10, 5).*

дится внѣ церкви, входитъ въ составъ царства міра сего и есть царство діавола. Независимое отъ церкви государство точно также есть область діавола, его царство. (Въ виду важности Августиновскаго ученія о царствѣ Божіемъ подробное разсмотрѣніе его мы относимъ въ отдѣльную главу далѣе, въ своемъ мѣстѣ). Что касается другихъ христіанскихъ писателей патристическаго періода или отцовъ церкви, то у нихъ мы не находимъ специально посвященныхъ разработкѣ нашего предмета сочиненій и какихъ-либо разъясненій по вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ церкви и царства Божія. Одно только необходимымъ считаемъ отмѣтить въ виду попытокъ нѣкоторыхъ богослововъ оправдать отождествленіе церкви и царства Божія общею голословною ссылкой на отцовъ, что въ святоотеческой литературѣ оправданія августиновскаго воззрѣнія нельзя найти. Здѣсь можно встрѣтить различныя понятія о царствѣ Божіемъ—эсхатологическое, этическое, августиновское, т. е. подъ царствомъ Божіимъ разумѣется будущее откровеніе славы Божіей въ концѣ времени, разумѣется иногда церковь, какъ царство благодати Христовой на землѣ, весь міръ и т. д., но утверждать, какъ намъ пришлось замѣтить въ русской духовной литературѣ неоднократно, будто-бы „у отцовъ первыхъ вѣковъ христіанства церковь и царство Божіе являются какъ-бы понятіями тождественными“—значило-бы представить дѣло въ совершенно ложномъ видѣ. Подобное утвержденіе имѣетъ смыслъ лишь по отношенію къ одному бл. Августину, у всѣхъ же другихъ отцовъ мы не находимъ никакого тяготѣнія къ его воззрѣнію на церковь, какъ царство Божіе.

Воззрѣніе бл. Августина на царство Божіе всецѣло усвоено было средневѣковымъ латинскимъ богословіемъ, а отсюда унаслѣдовано было и протестантскою богословскою наукою. Оно остается господствующимъ въ латинско-протестантскомъ богословіи и доселѣ: здѣсь церковь и царство Божіе признаются понятіями тождественными.

По общепринятому въ богословіи пониманію церковь есть земная форма царства Божія или царство Божіе на землѣ, по однимъ назначенное для воспитанія вѣрующихъ къ царству небесному, по другимъ — имѣющее задачу свою также преобразование всего земного, государства или общества, въ церковь, теократію. Первый отгѣнокъ въ такомъ по-

нати о церкви принадлежит болѣе протестантству, гдѣ государство и церковь раздѣляются, второй — латинству, претендующему на внѣшнее господство церкви надъ государствомъ. Такимъ образомъ при сходствѣ въ существенномъ между латинскимъ и протестантскимъ воззрѣніемъ оказывается различіе въ частностяхъ. Тутъ открывается однако и болѣе важное различіе въ представленіяхъ латинства и протестанства о взаимныхъ отношеніяхъ царства Божія и церкви, зависящее отъ существеннаго различія ихъ понятій о самой церкви.

Сообразно съ латинскимъ понятіемъ о церкви, какъ видимомъ обществѣ, царствомъ Божиимъ называется здѣсь вся видимая церковь во всемъ объемѣ ея эмпирическаго проявленія, и въ общемъ потому царство Божіе получаетъ какъ бы видъ древнихъ восточныхъ теократій. Въ протестантствѣ собственно истинною церковью называется *невидимая* или *идеальная* церковь въ отличіе отъ реальной, а также еще—*внутренняя*, въ отличіе отъ внѣшней; церковь здѣсь есть невидимое общество дѣйствительно вѣрующихъ, спасенныхъ или святыхъ. Эта-то церковь и есть царство Божіе по общепринятому протестантскому воззрѣнію. Отсюда между латинскимъ и протестантскимъ воззрѣніемъ на отношенія церкви и царства Божія возникаетъ существенное различіе и сходство въ концѣ концовъ сводится лишь къ однимъ словамъ, но не идеѣ: полное и дѣйствительное отождествленіе или смѣшеніе царства Божія и церкви принадлежитъ лишь латинскому богословію, неотдѣляющему невидимой церкви отъ видимой; протестантское же богословіе въ сущности не отождествляетъ царства Божія и церкви, когда говоритъ, что царство Божіе и церковь одно и то же, потому что изъ понятія о церкви исключаетъ ея видимую, внѣшнюю сторону, а слѣд. и изъ понятія о царствѣ Божиимъ. Видимая церковь, какъ видимое, историческое, конкретное общество вѣрующихъ не есть еще царство Божіе, ибо царство Божіе можетъ состоять изъ однихъ только святыхъ; церковь и царство Божіе могутъ быть даже въ противорѣчій между собою, когда эмпирическая дѣйствительность церковная не соотвѣтствуетъ идеалу церкви. Такимъ образомъ, въ сущности протестантизмъ не отождествляетъ царства Божія и церкви—именно дѣломъ; отождествленіе видимъ только на сло-

вахъ. Напротивъ, типическую особенность протестантскаго богословія, разившуюся на почвѣ различія церкви видимой и невидимой, представляетъ строгое различіе между царствомъ Божиимъ и церковью. Протестантское богословіе въ концѣ концовъ оказалось благопріятною почвою для научнаго рѣшенія вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ царства Божія и церкви. И дѣйствительно, только въ протестанствѣ мы находимъ опыты научнаго рѣшенія столь важнаго вопроса, совершенно отсутствующіе въ латинскомъ, не говоря уже объ отечественномъ богословіи, гдѣ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ церкви и царства Божія есть непочтатый наукою вопросъ.

Протестантское богословіе даетъ матеріалы или элементы къ научной обработкѣ нашего вопроса, хотя сдѣланное имъ здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, должно быть проведено въ православной наукѣ чрезъ призму православно-христіанскаго сознанія. Среди различій въ рѣшеніи этого вопроса въ протестантскомъ богословіи есть общепризнанныя положенія. Таково прежде всего то положеніе, что церковь и царство Божіе не одно и то же; во-вторыхъ, что царство Божіе понятіе болѣе широкое по объему, чѣмъ понятіе церкви; въ третьихъ, что царство Божіе есть нѣчто прежде всего, въ своемъ существѣ, внутреннее, невидимое, духовное, а церковь—нѣчто видимое и внѣшнее. Всѣ эти положенія, какъ согласныя съ Евангеліемъ, рано или поздно сдѣлаются достояніемъ и православной богословской науки.

Какое же отношеніе или связь указывается между церковью и царствомъ Божиимъ при ихъ различіяхъ или даже противоположности, когда царство Божіе принимается какъ нѣчто внутреннее, а церковь какъ внѣшнее? Отвѣтъ на это дается различными теоріями нѣсколькихъ типовъ въ зависимости отъ того, какая связь устанавливается между внутреннею и внѣшнею сторонами церкви. По однимъ связь церкви и царства Божія представляется самою тѣсною и необходимою, по другимъ—не безусловно необходимою, по третьимъ—случайною. Вотъ главные отѣнки теорій.

Общее во всѣхъ теоріяхъ заключается въ признаніи связи между царствомъ Божиимъ и церковью. Въ чемъ же эта связь? Царство Божіе и церковь находятся между собою въ отношеніяхъ формы и содержанія, идеи или духа и ихъ

внѣшняго проявленія. Царство Божіе не можетъ быть только внутреннимъ состояніемъ, въ себѣ замкнутымъ: оно должно проявиться вовнѣ по законамъ нашей духовной природы. Такое естественное внѣшнее себѣ выраженіе царство Божіе находитъ въ *церкви*, видимомъ обществѣ съ видимою организаціею. Отсюда церковь есть внѣшнее проявленіе царства Божія, *форма* или *внѣшняя* оболочка, *одежда* его (Ротъ, Крауссъ). Такова вообще связь царства Божія и церкви. Въ такомъ представленіи царство Божіе является какъ-бы источникомъ или производящею причиною церкви, началомъ, независимымъ отъ нея или творческимъ, а церковь—слѣдствіемъ, и насколько причина выше слѣдствія, настолько царство Божіе выше, цѣннѣе церкви. Но съ другой стороны, церковь, возникающая изъ царства Божія, сама въ свою очередь можетъ оказывать воздѣйствіе на историческія судьбы царства Божія, служить средствомъ или орудіемъ осуществленія царства Божія на землѣ, какъ-бы его производящею причиною и источникомъ. Въ такомъ представленіи церковь является уже одинаковою величиною наряду съ царствомъ Божіимъ, а не меньшею, чѣмъ послѣднее: она становится безусловно необходимою или *нужною* для царства Божія, его посредницею, органомъ на землѣ, тогда—какъ въ первомъ представленіи связь царства Божія и церкви хотя и является психологически естественною, но безусловно необходимою.

Въ зависимости оттого, какому изъ двухъ указанныхъ представленій дается перевѣсъ, получаютъ теоріи двухъ типовъ. Въ однихъ теоріяхъ подчеркивается болѣе зависимость царства Божія отъ церкви (Ротъ, Эббардъ, Кэстлинъ) и церковь называется даже „матерью царства Божія“ (Эббардъ), въ другихъ, наоборотъ, подчеркивается зависимость церкви отъ царства Божія и наряду съ царствомъ Божіимъ церковь трактуется какъ нѣчто побочное, безусловно нужное царству Божію (Швейцеръ, Крауссъ). Логически послѣдательною особенностью послѣднихъ теорій Швейцера, Краусса и другихъ служитъ отрицаніе церкви въ смыслѣ Божественнаго учрежденія: естественно здѣсь настаиваютъ на томъ, что Иисусъ Христосъ не имѣлъ нарочитой цѣли учрежденія церкви, предоставивъ естественному ходу вещей образованіе внѣшней оболочки или „общественной организаціи“

для царства Божія, въ которой оно могло-бы найти себѣ выраженіе. Впрочемъ, указанными теоріями, подчеркивающими зависимость церкви отъ царства Божія, церковь признается только несовершеннымъ и относительнымъ выраженіемъ царства Божія, всегда несовершенною формою его. Здѣсь наблюдается лишь частный случай умаленія вещи въ себѣ при переходѣ ея въ явленіе, невозможности адекватнаго выраженія идеи въ формѣ, мысли въ словѣ, силы въ дѣйствіи, сущности—въ явленіи, словомъ нѣкоторое искаженіе или „омраченіе“ (Trübung) вещи въ ея дѣйствительности. Въ подобномъ отношеніи церковь стоитъ къ царству Божію, будучи лишь ея несовершеннымъ, неполнымъ и потому не вполне вѣрнымъ обнаруженіемъ или воплощеніемъ. Здѣсь, такимъ образомъ, во взаимныхъ отношеніяхъ царства Божія и церкви устанавливается самою природою вещей отношеніе нѣкотораго неизбѣжнаго противорѣчія идеи и формы, вещи въ себѣ и ея явленія, идеала и дѣйствительности, при чемъ это метафизически неизбѣжное противорѣчіе, при ненормальныхъ условіяхъ, можетъ переходить въ противоположность или прямое отрицаніе. Такое отношеніе царства Божія и церкви представляется естественнымъ въ теоріяхъ, идущихъ далѣе по пути Краусса и Швейцера и признающихъ связь царства Божія и церкви болѣе или менѣе случайною (Кантъ, Тифтрукъ, Штэйдлинь, Ричль и др.). Начало этой группѣ теорій, вѣроятно, дано Кантомъ съ его воззрѣніемъ на царство Божіе. По Канту царство Божіе есть болѣе нравственный идеалъ, чѣмъ дѣйствительность. Это—высшее благо, къ которому должно стремиться человѣчество, это — нравственное единеніе человѣчества, царство добродѣтели на землѣ. Осуществленію этого царства можетъ содѣйствовать въ полной мѣрѣ только „религія разума“, т. е. религія, всецѣло покоящаяся на одной автономической морали. Эта разумная религія у Канта противопоставляется, какъ высшая низшей, религіи или вѣрѣ церковной, съ Богомъ Судіею, Провидѣніемъ, чудесами, культомъ и т. п. Послѣдняя, низшая, религія имѣетъ свое выраженіе въ церкви, въ сущности не столько приближающей, сколько отдаляющей исторію отъ осуществленія въ ней царства Божія. Но церковь, какъ и церковная вѣра, въ исторіи развитія человѣческаго духа есть явленіе преходя-

щее, временное: наблюдается постепенное усиленіе религіи разума, освобожденіе ея отъ путъ церковныхъ, имѣющее завершиться переходомъ церковной вѣры въ вѣру чистаго разума. Послѣднимъ результатомъ развитія человѣческаго духа объявляется превращеніе церкви въ моральное царство или царство Божіе. Въ спеціально богословской средѣ крупнѣйшимъ представителемъ подобнаго воззрѣнія на взаимныя отношенія царства Божія и церкви смѣло можетъ быть названъ Ричль. По мнѣнію Ричля, въ отличіе отъ царства Божія церковь есть общество видимое, аналогичное государству; царство Божіе по нему есть понятіе *религиозно-этическое*, а церковь, какъ одно изъ многихъ человѣческихъ учрежденій или союзовъ, принадлежитъ къ области *права*. Поскольку право можетъ быть въ противорѣчій съ моралью, постольку и церковь можетъ оказываться въ противорѣчій съ царствомъ Божиимъ,—особенно когда она измѣняетъ высокому евангельскому идеалу, забываетъ свою миссію на землѣ и, подобно римско-католической церкви, стремится къ достиженію мірскихъ цѣлей.

Сказаннаго достаточно для общаго выясненія протестантскаго типа ученія о взаимныхъ отношеніяхъ церкви и царства Божія. Достоинство разсмотрѣннаго воззрѣнія въ томъ, что имъ царство Божіе и церковь не отождествляются, какъ въ латинскомъ типѣ, недостатки же начинаются тамъ, гдѣ различія между церковью и царствомъ Божиимъ раздвигаются въ противоположность. Какъ видѣли, недостатокъ этотъ свойственъ не всѣмъ протестантскимъ богословскимъ теоріямъ: онъ даетъ себя знать отчасти въ теоріяхъ второй группы и съ полною ясностью выступаетъ въ теоріяхъ третьей группы, гдѣ особенно выдвигается противоположность царства Божія и церкви по ихъ существу и происхожденію. Такое рѣзкое противоположеніе церкви и царства Божія, какъ чего-то внутренняго, церкви, какъ чему-то исключительно внѣшнему, не можетъ быть однако названо специфически-протестантскою чертою: онъ отмѣчается и самими протестантскими представителями первой группы теорій (Кэстлинъ, Эбрардъ, Ротэ и др.), чѣмъ предполагается само собою и отрицательное отношеніе ихъ къ традиціонно-ортодоксальному лютеранскому различенію церкви невидимой и видимой, которымъ обуславливается противоположеніе царства

Божія и церкви. Ричль и другіе видятъ въ церкви только внѣшнее организованнй союзъ, забывая внутреннюю, духовную сторону церкви, по которой церковь является союзомъ вѣрующихъ, искупленныхъ кровію Христа и освященныхъ благодатію Св. Духа, союзомъ, слѣдов., этическимъ, а не юридическимъ. Тѣмъ болѣе такое понятіе о церкви, какъ только юридическомъ союзѣ, находится въ противорѣчій съ библейскимъ ученіемъ о церкви, какъ о Тѣлѣ Христовомъ. Но вотъ голоса самихъ протестантскихъ богослововъ. По мнѣнію Ротэ церковь есть преимуществу на землѣ носительница христіанскаго духа,—тѣло, одушевленное Духомъ Христовымъ, — „мѣсто Духа Христова, домъ Божій на землѣ“. — „Было-бы недоразумѣніемъ отличіе между церковью и царствомъ Божиимъ превращать въ отличіе между внутреннимъ и внѣшнимъ, идеальнымъ и реальнымъ. Царство Божіе имѣетъ свое реальное бытіе въ людяхъ и внѣшнее выраженіе въ ихъ жизни и дѣятельное: оно открывается словомъ или проповѣдью евангелія и видимо обнаруживается въ плодахъ своихъ, хотя и при этомъ не становится предметомъ чувственнаго наблюденія, оставаясь по существу внутреннимъ. Что касается церкви, то она, будучи видимымъ союзомъ, подобно всѣмъ человѣческимъ союзамъ, въ то же время получаетъ право на названіе церкви Христовой только въ силу внутренняго единства со Христомъ, пребывающимъ въ церкви“ (*Кэстлинъ*) ¹⁾. „Безъ сомнѣнія царство Божіе и церковь не суть равнозначущія понятія. По меньшей мѣрѣ на недоразумѣніи, конечно, основано то опредѣленіе взаимныхъ отношеній между ними, которымъ устанавливается между царствомъ Божиимъ и церковью отношеніе, существующее между *идеєю* и ея *явленіемъ*. Дѣло въ томъ, что Иисусъ Христосъ далеко былъ отъ того, что бы видѣть въ царствѣ Божіемъ одну лишь идею безъ осуществленія ея въ дѣйствительности; наоборотъ, въ отношеніи церкви всегда господствовало то мнѣніе, что то общество или учрежденіе, которое именуютъ церковью, имѣетъ идеальнй характеръ (*Gehalt*). Различіе между царствомъ Божиимъ и церковью состоитъ въ томъ, что по существу своему царство Божіе есть нѣчто идеальное прежде всего

¹⁾ R. E. VП. ² 690.

и реальное потомъ, между тѣмъ, какъ церковь, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ отцевъ и вѣроопредѣленій, прежде всего есть нѣчто реальное, имѣющее опредѣленные догматы (ученіе), обряды (богослуженіе) и устройство (законы)“ — (*Иммеръ*)¹⁾.

Изъ сказаннаго само собою вытекаетъ, что болѣе правильный путь къ рѣшенію нашего вопроса намѣчается тѣми теоріями, въ которыхъ не замѣчается рѣзкаго противоположенія царства Божія и церкви, и церковь представляется *необходимымъ* органомъ, орудіемъ, посредницею, источникомъ и „матерью“ царства Божія на землѣ. Но и здѣсь только *намѣчается* путь къ положительному рѣшенію вопроса, представляющаго одну изъ труднѣйшихъ богословскихъ проблемъ.

Послѣ всего сказаннаго является уже возможность дать мѣсто и положительному разъясненію вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ царства Божія и церкви.

Въ церкви царство Божіе находитъ полное выраженіе своего нравственнаго существа, поскольку въ ней съ особенною полнотою осуществляется общеніе людей съ Богомъ и между собою во Христѣ и совершается наше всыновленіе Богу, духовное рожденіе. Въ этомъ смыслѣ церковь является осуществленіемъ царства Божія съ его этической стороны, формою его. Отсюда вмѣстѣ видно однако, что церковь не вполне совпадаетъ съ царствомъ Божіимъ. Церковь совпадаетъ съ царствомъ Божіимъ по внутреннему существу (конечно, здѣсь вездѣ рѣчь объ истинной вселенской церкви), но она не совпадаетъ съ нимъ по своему объему. Царство Божіе по своему объему шире церкви. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время, какъ церковь включаетъ въ себя одну этическую сторону царства Божія, она совсѣмъ не захватываетъ собою космической стороны его. Если выяснять здѣсь отношеніе церкви и царства Божія на сравненіяхъ, въ безпредѣльно-громадномъ кругѣ царства Божія, объемлющемъ собою все твореніе, видимое и невидимое, разумное и неразумное, земное и небесное, церковь является центральнымъ кругомъ, чрезъ который проходятъ радіусы всѣхъ прочихъ круговъ къ общей окружности или периферію царства Бо-

¹⁾ Theol. d. N. T. 139—140.

жія. Изъ такого центрального положенія церкви въ царствѣ Божіемъ и осуществленія въ ней царства Божія съ *этической* его стороны становится яснымъ взаимное отношеніе царства Божія и церкви. Прежде всего, царство Божіе, какъ цѣлое, выше церкви, какъ части своей, и церковь есть подчиненный моментъ въ понятіи о царствѣ Божіемъ. Царство Божіе всеобъемлюще и вѣчно, церковь есть союзъ искупленныхъ кровію Христовою людей, имѣющей *во времени* начало (Господь *стяжа* церковь *кровію своею* на крестѣ) и конецъ, поскольку существованіе церкви ограничено временемъ отъ Пятидесятницы до второго пришествія Христова и временемъ совершенія таинства Евхаристіи, дѣлающей церковь Тѣломъ Христовымъ. Царство Божіе есть цѣль мірозданія и цѣль дѣла Христова, а церковь—средство къ осуществленію этой цѣли: она служитъ возстановленію нарушеннаго на землѣ въ родѣ человѣческомъ царства Божія. Эту задачу свою возстановленія царства Божія на землѣ церковь выполняетъ осуществленіемъ въ себѣ царства Божія съ его существенной, внутренней, или *этической* стороны. Обновленіе человѣчества, возвращеніе его въ лоно царства Божія совершается изнутри наружу, вовнѣ. т. е. оно идетъ отъ центра къ периферію, отъ души — къ тѣлу и отъ обновленнаго человѣка, микрокосма, къ матеріальной или внѣшней природѣ, ко всему видимому міру, макрокосму. Словомъ, царство Божіе начинается въ церкви и съ церкви, этого центра великаго круга царства Божія, и идетъ отсюда къ окружности. Въ церкви заключается очагъ духовной жизни для всего человѣчества, родникъ обновленія всѣхъ естественныхъ духовныхъ и вещественныхъ стихій человѣческой жизни. Здѣсь тѣснымъ приобщеніемъ человѣка къ Божеству, особенно въ Св. Евхаристіи, полагается начало освобожденія человѣчества отъ рабства грѣху и тлѣнію, и преображенію людей и переходу ихъ отъ суеты и рабства матеріи къ „свободѣ славы чадъ Божіихъ“, чѣмъ полагается начало и обновленію всей твари, ожидающей нашего обновленія (Рм. VIII, 19—23). Никакимъ уподобленіемъ или сравненіемъ лучше не выяснитъ намъ отношеній церкви и царства Божія и мѣста церкви въ царствѣ Божіемъ, чѣмъ это сдѣлано евангельскими притчами о закваскѣ и сѣмени горчичномъ. Церковь будетъ заква-

скою и сѣменемъ, а царство Божіе заквашеннымъ тѣстомъ и деревомъ. Будучи выше всего земного, не сливаясь съ земнымъ, имѣя въ виду только вѣчное, церковь въ то же время существуетъ, является и дѣйствуетъ въ мірѣ, входитъ въ тѣсное органическое взаимодействіе съ міромъ. И въ этомъ взаимодействіи церковь является началомъ активнымъ, а міръ пассивнымъ предметомъ ея воздѣйствія. Отсюда является возможность новаго сравненія — сравненія церкви съ душой человѣка, а царства Божія съ организмомъ: этимъ сравненіемъ, кажется, лучше всего указывается и различіе, и отношеніе между церковью и царствомъ Божіимъ. Царство Божіе—цѣлое, церковь—часть. Царство Божіе организмъ, состоящій изъ души и тѣла, а церковь — душа,—начало, одушевляющее весь организмъ, превращающее въ цѣльный и единый составъ противоположности духовнаго и матеріальнаго. Душа важнѣе и больше тѣла, но она не можетъ проявляться и жить полною жизнью безъ тѣла: то же было-бы и съ церковью, замкнувшеюся въ себѣ безъ дѣйствія и проявленія въ низшихъ стихіяхъ міра и безъ продолженія ея въ царствѣ Божіемъ.

Изъ сказаннаго о взаимныхъ отношеніяхъ церкви и царства Божія становится видно основаніе въ извѣстномъ отношеніи къ названію церкви царствомъ Божіимъ (но не обратно), поскольку церковь и царство Божіе совпадаютъ въ своемъ (нравственно-религіозномъ) существѣ и поскольку церковь (истинная вселенская) есть форма и реализація царства Божія на землѣ, понимаемаго съ его этической стороны. Тутъ наименованія церкви и царства Божія могутъ быть синонимами, впрочемъ—только синонимами, не болѣе, и это надо помнить. Хотя церковь и царство Божіе совпадаютъ въ одномъ этомъ отношеніи, но и тутъ нѣтъ полного совпаденія до *тождества*, такъ-что и здѣсь церковь и царство Божіе не одно и то же. 1) Царство Божіе духовно, невидимо. 2) Церковь кромѣ того есть нѣчто непремѣнно видимое и реальное. 3) Царства Божія „плоть и кровь не могутъ наследовать“ (1 Кор. XV, 50), оно состоитъ изъ *нищихъ духомъ, кроткихъ* etc., словомъ изъ *праведныхъ* только, а въ церкви есть и грѣшники. 4) Царство Божіе—есть удѣлъ лишь *избранныхъ*, а въ церкви есть не только избранные, но и всѣ *званые*; церковь есть весь не-

водъ (Мѣ. XIII, 47 и д.), а царство Божіе — только добрый уловъ его. Церковь заключаетъ въ себя пшеницу и плевелы (Мѣ. XIII, 24 и д.), а царство Божіе—одну пшеницу, хорошее сѣмя, одно хорошее произрастеніе. Царство Божіе въ его историческомъ на землѣ проявленіи въ церкви характеризуется притчами о пшеницѣ и плевелахъ, о неводѣ, о званыхъ на вечерю и т. п., и это есть основаніе, почему указанныя притчи могутъ быть относимы равно и къ церкви. Церковь характеризуется этими притчами болѣе, чѣмъ царство Божіе. Отсюда нетрудно было-бы, повидимому, перейти къ заключенію, что царство Божіе есть церковь въ ея идеальной сторонѣ,—то, что невидимо въ церкви, общеніе святыхъ, — или церковь „невидимая“, ея невидимая сторона. Но такъ-какъ невидимую сторону въ православномъ пониманіи нельзя отдѣлять отъ видимой, и церковь есть нераздѣльное единство видимой и невидимой сторонъ, то вотъ и еще основаніе, почему нельзя въ православномъ богословіи отождествлять царство Божіе съ церковью. Это допустимо только съ точки зрѣнія протестантскаго богословія, признающаго собственно церковью ея невидимую сторону. И дѣйствительно, какъ мы видимъ, здѣсь царствомъ Божиимъ называется именно невидимая сторона церкви. Но это смѣшеніе, если имѣть въ виду отнесеніе царства Божія только къ невидимой сторонѣ, въ концѣ концовъ не такъ опасно, какъ латинское, гдѣ царство Божіе равно церкви во всемъ ея объемѣ и проявленіи...

Прот. П. Я. Свѣтловъ.

Кіевъ

21 сентября 1902 г.
